

**Краткие тезисы докладов международной конференции
«Концепт вещи в славянских культурах»
21–23 сентября 2010 года**

Ибойя Баги (Сегед, Венгрия). «Овеществленная» мысль в ранних рассказах Андрея Платонова

Большинство героев так называемых «научно-фантастических» произведений Андрея Платонова, написанных в 20-е годы, страдает от инстинктивного ощущения или рационального осознания ограниченности человеческого бытия. В поисках преодоления несовершенства мира и человеческого существования эти герои используют не только свои умственные способности, но и конкретные технические знания. Таким образом, технические изобретения, машины, механизмы, инструменты, придуманные и сделанные ими, становятся материальным воплощением их основных духовных и душевных стремлений. Своеобразное переплетение вещественного и духовного в определенном предмете моделирует структуру сознания платоновских героев, и вместе с тем свидетельствует о научно-философских взглядах писателя, связанных с утопическими представлениями той эпохи, в особенности с идеей русского «космизма». Конкретные «открытия» и «изобретения» героев, как ученых-интеллектуалов, так и простых мастеров, подтверждают художественно-философскую концепцию писателя, по которой «делающаяся и сделанная вещь» является манифестацией материальных и спиритуальных стремлений творческого человека, проецированием «овеществленной» мысли в еще неизвестные сферы природного макрокосмоса и человеческого «микрокосма».

О. В. Белова (Москва). Предметы иудейского культа в поверьях и магических практиках славян (по материалам экспедиций 2004-2010 гг.)

В докладе представлен анализ народных славянских представлений о магических свойствах еврейских культовых артефактов (мезуза, тфилин, талес и др.), зафиксированных в ходе полевых исследований в регионы славяно-еврейского соседства (Подолія, Северная Бессарабия, Буковина, Галиция). Сравнение современных фольклорно-этнографических материалов с данными, опубликованным и в этнографической литературе XIX – XX вв., показывает преемственность культурной традиции, связанной с восприятием "мифологии" сакральных предметов иудейского культа даже в условиях, когда этническое соседство евреев и славян в указанных регионах стало фактом истории.

Ж. Бенчич (Загреб, Хорватия). Концепт *вещь (мелкие вещи)* в прозе Татьяны Толстой

Татьяна Толстая открывает свой прозаический сборник *Река* 2007 г. циклом литературно-философских миниатюр и бытовых очерков, посвященных главным образом некоторым аспектам современной русской культуры повседневности, как, например, мода на минималистское убранство квартиры, следование новым кулинарным тенденциям, чуждым традиционной национальной кухне, выезд на природу на «свежий воздух» и т.п. Цикл озаглавлен «Мелкие вещи», а такое же название имеет и его последняя часть, краткий ретроспективный взгляд автора на

период начала 60-х годов в Советском Союзе, когда два китайских студента ее отца подарили детям своего «Учителя» несколько тщательно, с любовью отобранных китайских сувениров из числа ширпотреба. Синтагма «мелкие вещи» в употреблении Татьяны Толстой далеко не однозначна. Как название всего цикла, она отсылает к художественным произведениям небольшого объема, к кратким нарративам, из которых цикл и состоит. Далее, она указывает на тематическую погруженность указанных текстов не в решение больших и вечных вопросов, а в мелкие и незначительные повседневные события и явления. И, наконец, под синтагмой «мелкие вещи», которая своей понятийной стороной принадлежит предметному миру, подразумеваются предметы малого размера, чаще всего бесполезные и дорогие мелочи, которыми человек окружает себя не ради их практической, а скорее сентиментальной ценности. При этом не столь важно, о чем идет речь – о природном объекте или изделии человеческих рук.

В своей статье я остановлюсь на последнем из трех указанных значений концепта *мелкие вещи*. Дело в том, что вещь, понятая как физический предмет, один из довольно частых мотивов в прозе Татьяны Толстой, особенно в ее рассказах о детстве, сплошь носящих автобиографическую окраску. Мотивный комплекс «мелких вещей», правда, не играет значительной роли в фабульном развитии ее прозы, но зато обладает большим символическим потенциалом и ассоциативными возможностями.

С. Бриски (Риека, Хорватия). Семиотический концепт вещи в массовой культуре

Прежние иерархические системы культурных оппозиций (высокое/низкое, элитарное/народное, модернистское/массовое, эстетическое/прикладное) больше уже не применяются для описания современной культуры, а также искусства. Такого рода ситуация не является, впрочем, признаком интеллектуальной деградации культуры; оно скорее является осознанием коммерциализации культуры – последняя теперь понимается не как презираемый объект, но как «отправная точка статуса». Одна из центральных тем массовой культуры, основанной на потребительской страсти к приобретению, подчеркивает именно семиотическую тенденцию. То, благодаря чему та или иная вещь становится предметом всеобщего желания – находится вне этой вещи, то есть люди хотят обладать вещью не по причине присущих ее функций или утилитарных свойств, но потому что она функционирует как бренд, как фиктивный семиотический текст, открыто и независимо существующий в системе коммуникации, эффектов, клише, жанров и кодов массовой культуры. Тем самым форма вещи (дизайн) и раскрученность бренда, с которым эта вещь сопрягается, оказываются прочно связанными друг с другом в процессах глобализации и коммерциализации культуры. В моем докладе это процесс исследуется на примере частного случая – бренда ОНО в свете семиотической практики постконцептуализма; это бренд был реализован и раскручен как новый авторефлексивный свод понятий, в котором осмысляются или обыгрываются различные (бинарные) культурные модели жизни (традиционное / современное, прошлое / настоящее, мужское / женское, фабричное / высокотехнологическое).

Х. Гюнтер (Мюнхен, Германия). Полезные, лишние и ложные вещи. Концепция вещи у Л. Н. Толстого

Описание окружающего мира в реализме отражает не просто желание создать иллюзию полной картины реальности, но и иерархию ценностей автора. Исходя из понимания собственности у Толстого, можно сделать некоторые выводы о его

концепции вещи. Собственностью в узком смысле Толстой признает только человеческое тело («*свои* руки, ноги, уши, глаза, язык»). Чем дальше вещь отдалена от элементарных потребностей телесного антропологического центра, тем большей оказывается степень отчуждения.

С этой точки зрения можно различать отдельные категории вещей у Толстого, например, вещи полезные (простые), лишние и ложные. В результате возникает вопрос, какой тип культуры репрезентирует толстовская модель материального мира.

Н. В. Злыднева (Москва). Антропология вещи в живописи Георгия Рублева

Семантика вещевых натюрмортов Г.Рублева 1920-х годов, лежащих на средокрестии «новой вещественности» и поставангардного абсурда, рассматривается как пиктограмма-сообщение, которое ставит бытовую вещь в парадигматический ряд тела-ментальности-речи, что позволяет проблематизировать вычленение единицы значения, категории имени и синтаксиса в изображении. В центре внимания – картина «Письмо из Киева», представляющая собой вариант изобразительного эго-текста.

П. В. Королькова (Москва). Концепт вещи в рассказах и эссе Момо Капор

В книге «Путеводитель по национальному менталитету», которую составили рассказы и эссе разных лет, современный сербский писатель Момо Капор отводит особое место вещи и ее роли в повседневной жизни человека. Вещи способны объединять и разъединять людей, становиться символами эпохи, метафорой памяти и внутреннего состояния человека и даже обретать черты сакральных предметов. Тонкий юмор, свойственный художественной манере писателя, заставляет читателя не только улыбнуться, но и задуматься об истинной сущности предметов, окружающих нас.

И. Кукуй (Мюнхен). Вещь как объект словаря и субъект творчества

В докладе рассматривается лексический компонент концепта «вещь» на материале ряда словарных статей XIX-XX вв. Анализ бытования лексемы во всём многообразии ее языковых манифестаций подтверждает парадокс энантиосемии, отмеченный Т. В. Цивьян – тот факт, что в вариативности своего словоупотребления «вещь теряет свою вещественность, становится беспредметной и неосязаемой, утрачивает как раз те признаки, которые и делают ее вещью». Начало распада семантики вещи на две области, «идеального» и «вещественного», прослеживается уже с середины XIX века и получает в начале 1930-х годов свое логичное завершение в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Ушакова, в известной степени являющегося подведением итогов развития русского литературного языка первой трети XX века. Процесс языкового сдвига в отношении вещи не только находит свое выражение в русском искусстве того времени, но и непосредственно стимулирует его; вещь вынуждает художника к активному участию в написании ее «биографии» (С. Третьяков), превращаясь из предмета или участника изображения в объективно данную двигательную силу творчества.

Н. М. Куренная (Москва). Концепт вещи в советской драматургии

Вещный мир советской эпохи был отражен и советской драматургией. В пьесах В. Маяковского «Клоп» и «Баня», В.Билль-Белоцерковского «Шторм», С. Михалкова «Илья Головин» и «Я хочу домой» воспроизведена повседневная жизнь отдельных социальных страт советского общества в различные периоды его истории (постреволюционное время, период становления советской власти и ее укрепление, эпоха НЭПа, послевоенное время). Скупое описание самых разнообразных предметов быта, их функционирование призвано вызывать определенные ассоциации и эмоции. Вещь в этих произведениях выступает в роли социального знака, раскрывает характер героев, репрезентирует историческое время, расширяет, детализирует представление о нем, выступает в роли своеобразных символов соцреалистической эпохи.

В. Лепяхин (Сегед, Венгрия). Вещь и концепт в иконах *Гостеприимство Авраамова* и *Святая Троица*

Икона *Троицы* в православной иконографии выросла из образа *Гостеприимства Авраамова*. В русской иконописи на последней иконе со временем стали делать надписание: *Святая Троица*, т.е. фактически на Руси обеим иконам присвоили одно название, что ошибочно с богословской (читай, концептуальной) точки зрения. На полном изводе иконы *Гостеприимства Авраамова* изображены три Ангела за столом, Авраам и Сарра, слуга, закалывающий тельца, на столе же – вещи: три чаши или три тарелки, ложки, ножи, вилки, солонки, кувшины, хлеб. Такая икона (даже если убрать сцену со слугой) никак не может считаться образом *Пресвятой Троицы*, поскольку Авраам, Сарра и вещи, занимающие сакральное поле иконы, указывают на исторический и бытовой характер события. Здесь «вещь» работает против сакрального. На иконе *Троицы* преп. Андрея Рублева заметнее всего отсутствие Авраама и Сарры и освобождение стола от «вещей». На столе остается одна «вещь», но эта «вещь» концептуальна, символична, богословски оправдана. Это Чаша или Потир с головой жертвенного Агнца. Тем самым икона удаляется от своего прототипа – от образа *Гостеприимства Авраамова* – и становится иконой *Пресвятой Троицы*. Так «вещь» своим присутствием в иконе может в определенной мере разрушать сакральное поле церковного образа, однако, приобретая символическую семантику, подчеркивать не только сакральность иконного пространства, но и более полно и наглядно выявлять внутренний смысл изображения, его иконичность. В данном случае «вещь» полагает границу между двумя иконами. Характерно, что после богословского и эстетического шедевра Рублева в XVI–XVII веках на икону *Троицы* опять проникает «вещь», тем самым десакрализуя пространство иконы и ее смысл.

М. В. Лескин (Москва). Материальные атрибуты этнической идентификации

В докладе будут рассмотрены значение и функции материальных элементов в процессе описания и определения иерархии этнодифференцирующих черт на этапе становления этнографической науки в России (XIX в.). Описание (как и в других естественнонаучных дисциплинах, так как этнография формировалась в поле географических наук) рассматривалось как важнейшая исследовательская процедура, целью которой была фиксация отличительных черт внешнего облика, языка, духа (психологии, характера) народа, его «общественного быта», нравственных и умственных черт. Принцип иллюстративности начиная с XVIII в. диктовал особенности репрезентации этнических образов в научной литературе. На начальной стадии черты

«материальной культуры» оказывались вторичными по отношению к признакам так наз. «духовной культуры», но играли доминирующую роль в разработке идеи этнической физиогномики, в основе которой находилась оппозиция внешнее / внутреннее. Она, в свою очередь, определяла закономерности и каноны визуального и вербального изображения «этнического» в российской науке на протяжении всего XIX в.

Д. К. Поляков (Москва). Культ вещи и славянские литературы 1970-х гг.

Зарождение в социалистическом обществе отношения к вещи, подобного отношению к вещи в западном «обществе потребления», – процесс, в свое время бывший предметом рефлексий многих представителей гуманитарной среды (философов, публицистов, писателей). В докладе этот феномен будет рассмотрен на материале некоторых художественных текстов 1970–80-х гг.

А. В. Семенова (Москва). Метафоризация повседневности в современных кашубских проповедях

Доклад построен на материале 101 проповеди, произнесенных ксендзом М. Мётком по-кашубски в период с 1987 по 2007 г. в различных приходах на территории кашубского Поморья. В проповедях конца 80-х гг. М. Мётк призывает культивировать кашубскую культуру и «язык отцов» как Божий дар. При этом он апеллирует к словам папы Иоанна-Павла II: «Берегите свои ценности и свое наследие, в которых заключается ваша идентичность». В дальнейшем центр внимания переносится на основные вопросы веры: проповедник рисует образ современного христианина по-кашубски. Во всех текстах содержание Святого Писания и повседневность сближаются, а библейские образы дополняются образами бытовых предметов, которые, метафоризируясь, делают идею более яркой, а слушатель (читатель) воспринимает тысячелетние истины как актуальные и применимые на каждый день побуждения к действию и духовной работе.

Л. А. Трахтенберг (Москва). Предметный мир русской рукописной пародии XVII–XVIII вв.

Предметом рассмотрения в докладе будут произведения рукописной и лубочной пародийной литературы XVII–XVIII вв. – «Лечебник на иноземцев», «Роспись о приданом», «юмористические авизии» (редакторское название, которое дала этому произведению В. П. Адрианова-Перетц). Основная особенность предметного мира этих произведений состоит в том, что никаких предметов в них, по существу, нет. В «Лечебнике на иноземцев» предписывается, чтобы приготовить лекарство, «взять мостового белого стуку 16 золотников, мелкаго вешняго топу 13 золотников, светлаго тележнаго скрипу 16 золотников»; по «Росписи приданому жениху лукавому» он получает «сосновой кувшин да везовое блюдо в шесть аршин», «дехтярной шандал да помойной жбан»; «юмористические авизии» сообщают о том, что «копенгагенская кругла башня на сих днях пойдет замуж, и будут на банкете из Ганбурха 36 ч. печей в немецких епанчах», а «близ острова Курляндии дорогу своротили и пугвицы нашили франсуским манером до подолу». Вещи теряют свой привычный вид; самый принцип предметности расшатывается и разрушается на глазах у читателя.

В каждом из произведений эта цель достигается особым путем. Так, характерная черта «Лечебника на иноземцев» – единство образного ряда, единый принцип создания

абсурдных образов. Здесь место предметов занимают движения и звуки животного мира: в качестве ингредиентов для лекарств перечисляются «волового рыку 5 золотников, чистаго, самого ненасного свиного визгу 16 золотников», «вежливаго жаравлинаго ступанья 19 золотников», «толстого орловаго летанья 4 аршина». Напротив, «Роспись о приданом» удивляет читателя обилием разнородных абсурдных образов: он находит здесь то несуществующие предметы, такие как «парусинная кострюлька», то вещи хотя и существующие, но ненужные или испорченные, как «пять аршин паутины да поларшина гнилой холстины», а то и вредные и даже не вещи вовсе – как «прыщи да коросты да чирьи толсты», или же, как только предмет назван, выясняется, что его нет налицо: «липовые два котла, да и те згорели до тла», «тренценелевой балахон, да и тот в баню унесьон». В «юмористических авизиях» одно противоречие следует за другим, и каждое следующее увеличивает меру абсурдности вымышленного мира, где любого из этих противоречий было бы уже достаточно, чтобы показать, насколько он далек от реального: «У единаго мещанина в ранжереях 74 кувшина росцвели и стручки поспели, в которых находитца доволно стерледей живых» – за сообщением о цветении кувшинов и созревании их плодов следует характеристика этих плодов, ничуть не более правдоподобная.

Н. М. Филатова (Москва). Корона в польском историческом сознании: реалии и художественный вымысел

В докладе будет рассмотрена роль короны как символа своей / чужой власти в историческом сознании поляков эпохи романтизма. В центре исследования – церемония коронации Николая I в Варшаве в 1829 г. и отклики на это событие современников, как мемуаристов, так и авторов художественных произведений. Особое внимание будет уделено мотиву короны в польской романтической литературе.

Т. И. Чепелевская (Москва). Вещь из мира массовой культуры – «магниты»

Коллекционирование сувенирных магнитов (получившее в Интернет-сообществах уже и свое определение – мемомагнетика), в последние годы стало массовым, охватившим многие страны увлечением. Примечательна история его возникновения, связываемая с началом коммерческого производства электрических холодильников (с 1916 г.), скучные белые поверхности которых буквально требовали неких оживляющих украшений. Однако первый запатентованный магнит для холодильника (1954 г. – автор John E. Wheatlley, штат Огайо, США) имел чисто прикладное значение: он представлял собой устройство для фиксации бумаги и всевозможных посланий. Вторым ключевым моментом в истории развития мемомагнетики стал 1973 г., когда был запатентован первый декоративный магнит (автор William Zimmerman, штат Теннесси, США), который мог уже использоваться для украшения любых металлических поверхностей.

В докладе предполагается рассмотреть вопросы, связанные как с определением данной формы массовой культуры, так и с проблемой особенностей ее функционирования в наши дни. Относя «магниты» к одной из разновидностей китча (китч-дизайн), наглядно демонстрирующей одну из тенденций массовой культуры, – чрезмерное увеличение роли визуального элемента, можно, с опорой на многочисленные примеры (увиденные и собранные автором – в том числе и в славянских странах), выделить и проанализировать несколько направлений бытования и развития данной формы.

Многообразие тем и мотивов, образов и ситуаций, которые становятся основой изобразительного полотна «магнита», позволяет говорить о том, что наряду с чисто

утилитарными функциями (фиксация посланий) «магниты» начинают обретать черты художественного феномена в обыденной культуре с целым набором функций (рекламная, культурно-просветительская, национально-идентифицирующая, обучающая, игровая и др.). Вместе с тем, развивающееся коллекционирование сувенирных «магнитов», которое способствует не только массовому тиражированию популярных сюжетов, но и развитию производства авторских экземпляров (магниты на заказ), придает этой форме массовой культуры характер уникальности, аутентичности. И в этом случае можно говорить о возможном перемещении данной формы с одного уровня культуры на другой. Особое внимание в докладе предполагается также посвятить использованию «магнитов» для тиражирования религиозных сюжетов и в рамках оппозиции сакральное – светское рассмотреть возможности актуализации духовной культуры, благодаря использованию форм культуры массовой.

Ч. Шарняи (Сегед, Венгрия). *От чугунной печки до чугунного бога. Культурные реалии в контексте метаморфоз в рассказе Е. Замятина «Пещера»*

В рассказе Замятина конкретные исторические события – путем мифологических и историко-культурных аллюзий – переосмысляются, получают более обобщенное значение, тем самым расширяя семантический круг отдельных феноменов культуры. С этой точки зрения именно мотив метаморфозы приобретает особое значение – он становится инструментом структурирования повествования. Трансформация традиционного культурного топоса Петербурга или перевоплощение самого человека осмысляются в зависимости от многослойных метаморфоз предметного мира, от изменения вещественного и духовного статуса культурных реалий.